

XIX ВСЕСОЮЗНАЯ. ЗА СРОКОЙ ТЕЗИСОВ ЦК КПСС

ВРЕМЯ ВЫЙТИ ИЗ КАБИНЕТОВ

ШЕСТЬНАДЦАТЬ лет работают я в аппарате партийного комитета. Начинал инструктором орготдела. И с тех пор все больше и больше партийных работников ориентировались на решение хозяйственных задач. Ромжалось много бумаг, которые направлялись в вышестоящие инстанции. Оно и понятно: кабинетный стиль пристрастился руководителей, которым неизвестно стало спускаться до «низов», требовал широкой информации о положении дел на местах. А у инструкторов оставалось все меньше времени для собственно партийной работы. Работники аппарата ежеминутно должны были находиться под рукой секретаря: вдруг какую-то цифру срочно — по телефону или нарочным — затребуют сверху? Так приобщились мы к бумаготворчеству, показали, которые стали обычным делом. А там, наружу, распоряжались нашими шифрами по своему усмотрению?

Было больше мы стигали свой актинг в райкоме на совещаниях, заседаниях, штабах, конференциях, «круглые столы». Работали, конечно, много и напряженно, но суть всей партийной работы была сведена к проведению именно этих мероприятий и к оперативному информированию о «проделанной работе». Пленуму райкома стала критерием оценки. Удался — значит, работал хорошо.

Положительного в деятельности райкома было немало, но все достигалось волевыми, командными методами руководства. Планерки, проводимые с аппаратом, все больше приобретали характер совещаний специалистов хозяйств. С полых вышестоящих органов на этих планерках речь шла в основном о хозяйственных проблемах. О товарах народного потребления, шефской помощи селу, прокладке водопроводов, плохой работе транспорта, уборке мусора и т. д. Лишь вскользь — о работе с надрывами, о выполнении ранее принятых решений, практике проведения партийных собраний.

Идеологическая работа вообще отошла на задний план. Все силы, все умение были направлены на «наглядку». Чем мощнее и красочнее сооружалась стена, тем выше оценивалась уровень политико-воспитательной работы. А получилось, что именно на идеологическом участке у нас в области проходили серьезные просчеты и на их основе — провалы в экономике, в идеально-правственном воспитании людей. Показанные лозунги «Работать без отставщиков», «Достроим постройки — досчно освоим» породили прииски, очищательство. Люди вселяли в недостроенные жилые дома, в микрорайоны без тепла, воды, объектов соцкультуры. За ценою не стояли...

Мирились ли с этим партийные комиссии? Конечно, нет. Но после каждого «боя» на сердце ложились рубцы...

Партийные кадры с успехом осваивали коммунистско-бюрократические методы руководства и выдвигались на более высокие посты, партийные и хозяйственные. В этом было не вина их, а беда. Беда, что бездумно выполняли комманды сверху, порой доходящие до абсурда.

Вспоминается, как однажды областной руководитель, пролетая над городом, обнаружил зеленые газоны с желтыми пятнами. «Вымыть с корнем!» — поступила команда в райком. И вот по этой команде школьники были подняты на воздух с «желтками» — одуванчиками на зеленых газонах.

В другой раз тот же руководитель, проезжая мимо выставленного на аэродроме многометрового павильона с изображением Л. И. Брежнева, неожиданно заметил, что знак «50 лет в КПСС» выглядит хроматичным рядом с орденами и медалями на широкой груди. Пять раз перерисовал художник тот знак! Только после этого ответственный товарищ успокоился...

СЕГОДНЯ горюм и райкомы партии начинают обретать черты органов политического руководства. Резко сократилось количество совещаний и заседаний, мы получили возможность бытывать на местах. В арсенале партийного комитета вышли весомые полезные, оправдывающие себя формы работы.

Но это лишь первые шаги. С устаревшими методами и подходами мы по-прежнему с большими трудами расстаемся. «Ахиллесова пята» остается неумение вести живую организаторскую работу на местах. Ведь командаовать, давать указания гораздо легче, чем действовать методом убеждения, находясь среди людей. Тут ведь сразу определят, кто есть кто. Перестройка вызвала кадровый «голод». Чуть ли не ежегодно значительно обновляется аппарат партийного комитета, и не только нашего, — на первые кончики мелких. Приходит на партийную работу люди образованные, но не компетентные. От этих кадров сразу же требуется полная отдача. Их надо учить, учить, что называется, с ходу. А кто будет учить? На мой взгляд, наша небольшая партийная школа сегодня не совсем справляется с задачей обучения партийных кадров. Не секрет, что многих выпускников приходится заново учиться у жизни.

В ТЕЗИСАХ ЦК КПСС говорится, что следует серьезно перестроить деятельность первичных партийных организаций.

Как известно, в Уставе КПСС подчеркивается, что первичная партийная организация является основой партии. Нет слов, большинство первичек действует активно, пецеустремленно. Вместе с тем далеко не каждая первичная является настоящим политическим ядром трудового коллектива, в итоге и вовсе утратила свой авторитет. Причин этому много, и не стоит

скрывать, что не так уж редки случаи сдачи партийных билетов, выхода из партии.

Авторитет первичной, конечно, во многом зависит от партийного вожака. Но в каком положении он находится? Огромная армия секретарей партийных организаций численностью от 50 до 150 коммунистов своим нелегальным обязанностям выполняет без освобождения от служебных функций. А на крупных предприятиях секретари ходят в «подсекретарях». Уже здесь налицо грубые нарушения государственной и партийной дисциплины. Какое же отсюда доверие к секретарю? К тому же, как правило, секретарь и материально зависит от хозяйственного руководителя. От него же надо ждать и решения дальнейшей судьбы секретаря в случае его перевыборов. Практика показывает: подкадристому, «нарманисту» секретарю руководитель обеспечивает хороший оклад. А если секретарь оказался строптивцем?

Пришло время рассмотреть положение секретаря первичной партийной организации как показателя отношения вышестоящих партийных комитетов к своему актууму.

В предварительной конференции коммунисты обсуждают возможные изменения в структуре партийных органов. Ведь что сейчас получается? Каждый отдел рассматривает ту или иную проблему в отрыве от других. В то же время мы говорим о комплексном подходе к партийной работе. На мой взгляд, практика сформировала партийный комитет как исполнительный орган партии. Задача действительно состоит в том, чтобы партийный орган соответствовал своему назначению. Упразднение отраслевых отделов, я уверен, пройдет безболезненно для дела. Организационному отделу вполне по силам осуществлять контроль за решением хозяйственных проблем.

Я поддерниваю предложение оставить в структуре райкома партии отделы организационного, идеологического и делопроизводства. Возвращение партийному органу политических функций высвечивает каждого аппарачика, обязывает его идти к людям, другого пути у него не будет, оно должно остановить притон в аппарата случайных людей, рассчитывающих на карьеру.

Не могу не сказать и о том, что пока должного примера в этом отношении вышестоящие инстанции не показывают. Кему, например, сидится сейчас приезд в область, город, район от ответственного работника? Принесет он, как правило, на день-два. Не для ознакомления с работой партийной организации, а «прондировать» торт или иной вопрос. По поручению. Пребывание его «внизу» ограничивается в основном встречей с руководителями, в крайнем случае с узниками партийных активов. Озадачены всех — и были такие! Какой же след остался от такого визита? Никакого. От приезда такого ответственного товарища ни холодно, ни жарко.

Разумеется, партийный контроль должен быть самым широким, самым строгим: по горизонтали и по вертикали. Под контролем необходимо взять все руководящие кадры и обеспечить фактическое исполнение ими дела. Мне кажется, что пока у Комитета партийного контроля при ЦК КПСС очень мало возможностей осуществлять такой контроль. Свои функции он осуществляет на уровне руководителей не самых высоких рангов. На должностях более высоких, отдельные зоны он не может послушать, потому что у него приставка «при». При ЦК КПСС эта приставка очень удобна для тех, кто не в ладах с требованиями Устава партии. Но почему у этих людей манят неприкосновенности? Разве у них свой Устав? Разве В. И. Ленин предлагал представить членам ЦК привлечь — быть неподсудимым перед высшим партийным судом?

Мы теперь хорошо знаем, и чему это привело. И чтобы не повторять ошибок прошлого, необходимо возвратить Центральную Контрольную Комиссию, подотчетную съезду. Надо следить за тем, чтобы вновь не вина их, а беда. Беда, что бездумно выполняли комманды сверху, порой доходящие до абсурда...

Мирились ли с этим партийные комиссии? Конечно, нет. Но после каждого «боя» на сердце ложились рубцы...

Партийные кадры с успехом осваивали коммунистско-бюрократические методы руководства и выдвигались на более высокие посты, партийные и хозяйственные. В этом было не вина их, а беда. Беда, что бездумно выполняли комманды сверху, порой доходящие до абсурда...

ВСЕГДАЮЩИЙ ГЛАС

ПАРТИЙНЫЙ КОНТРОЛЬ

Смотр завершен

Столица Дагестана Махачкала впервые проводила столь представительный кинематографический смотр. Здесь состоялся III конкурс фильмов об охране природы и рациональном использовании ее ресурсов. В нем участвовало свыше 100 документальных, научно-популярных, мультипликационных лент и киножурналов, представленных 29 студиями страны. Жюри, состоящее из кинематографистов и ученых, присудило первые премии дипломы Всероссийского общества охраны природы и Госкино РСФСР фильмам: документальному — «Арапкум» (Узбекистан), научно-популярному — «Компьютерные игры» (Ленкинофильм) и мультипликационному — «Промышленный и королев» («Союзмультифильм»). Среди лучших названий также ленты «Клады и Плотины» (Красногорский филиал «Свердловской кинокомпании», «Змеи» (Ленкинофильм) и «Птичий бazaar» (Западно-Сибирская студия кинохроники) — из цикла «В объективе — животные», «Бастар» и «Университет на Каспии» (Свердловская студия кинохроники), «Бековские дубы» (Латвия) (Рижская киностудия).

Между учеными и кинематографистами прошла творческая дискуссия по проблемам экологии и роли кинематографа в пропаганде экологических знаний.

Яр. ЯРОПОЛОВ.
(Наш спец. корр.).

Впервые на сцене столицы

Сегодня в Москве на сцене Музейного театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко открывается гастроли королевской оперы Валлонии из Бельгии. В гастрольном репертуаре коллектива из Льежа комическая опера А.-М. Гратри «Эмили и Азор» (дирижер Родрик Россис) и «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха в постановке Люка Дессуса, дирижер Робер Блеза.

Репертуар королевской оперы Валлонии составляют классические оперы и оперетты, произведения современных композиторов. Спектакли проходят не только на основной сцене в Льеже, но и в других городах Валлонии, несколько лет назад при театре открылась малая сцена, названная Ма-

лым театром, где ставятся карнавальные и экспериментальные спектакли.

В эти же дни в Льеже выступала оперная труппа Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, которая завершила гастроли в Брюсселе. Наши артисты познакомили бельгийских зрителей с «Майской ночью» Н. А. Римского-Корсакова и оперой С. Прокофьева «Любовь и трань альпийская».

Памятник летописцу

В дни празднования 1000-летия крещения Руси на территории Киево-Печерского государственного историко-культурного заповедника, славящегося реликвиами древнего зодчества, появился памятник, воздвигнутый нашими современниками. Это скульптурное изображение монаха Нестора, который вошел в историю славянской культуры как автор «Чтения о летописи временных лет».

Авторы памятника, открытые вчера состоялись сегодня, — скульптор Ф. Сагомин, архитектор Н. Кислин.

(ТАСС). КИЕВ,

СКАЗАТЬ, что Владимир Стеклов однажды проснулся знаменитым, — неверно. Он не очень знаменит пока. Но все же среди шелеста театральных программ перед началом спектаклей в Московском театре имени К. С. Станиславского слышал одобряющий шепот. Стеклов играет.

Кино и телевидение приносят, как правило, исполнителя широкую известность. В тех 10—12 фильмах, где снялся Стеклов в ролях почти эпизодических, режиссеры использовали его скорее как типаж. Сниматься он продолжает и сейчас, даже типаж для него интересен. Но о кинороли вестя разговор не хочется. Потому что Стеклов — актер театральный, островерхий, удивительно чутко и точно чувствующий живого зрителя. Именно таует дает возможность реализовать его талант, пока не до конца, конечно, раскрытый.

— Я родился не в антресорской семье, — начинает наш разговор Владимир. — И праздником было для меня лето, когда к нам в Астрахань приезжали гастролеры — в основном оперные и балетные труппы и театры музыкальной комедии и оперетты.

Помню и тюз — тогда в нем перед сценой был оркестр, все было живое, настоящее. Конечно, радиотехника дает больше возможностей, не спорю, но никогда не забуду того пьянящего опущения, когда вдруг зазвучат вальсины или невзначай ударит смывок по струнам скрипки. А когда медленно гаснет свет, то сцена раздается удары гонга — три удара. И тихо раздвигается занавес... Знаете, — обрадовав себя Владимир, — воспоминания всегда почему-то наставляют грустью.

— Так поговорим о сегодняшнем дне, о том, откуда взялся актер Стеклов.

— Камчатки. Там я работал в театре после окончания Астраханского театрального училища. Как-то, победив на одном из конкурсов, получил право поехать на десять дней в Москву. Сколько хотелось успеть увидеть! И сколько увидел! Только на «Ворсузскую dochь молодого человека», которую советовали посмотреть знакомые, так и не попал на свою командировочную удостоверение. Но вот в 1981 году наш театр приехал на гастроли в столицу. Все эти гастроли для меня не покидало ожидание. Чего? Сам не мог объяснить. И вдруг вспомнил: с вами говорят из Театра имени К. С. Станиславского. Помните, из того самого театра, куда год назад я не смог попасть на спектакль.

— Почему же среди многих гастролеров выборпал именно на Стеклова? С этим вопросом обращалась и главному режиссеру Театра имени К. С. Станиславского А. Товстомогору:

— Союз режиссера и актера — во многом тайна. Я увидел в Стеклове что-то явно неординарное, о чем не могу сказать, что мне очень понравился его голос. Мышкин, скрытый на гастролях Камчатского театра. Но поразил меня наряд духовной жизни актера. Условия прглашения были весьма жесткие: репетировать без зарплаты, без каких-либо гарантий. Получился — вальс. Стеклов стал одним из ведущих актеров нашего театра. И вот что примечательно: то, что с другим актером приходится делать мессы, во имя чего делается спектакль, что для него важно, готов бросить себя сразу в любые обстоятельства, самые сверхъестественные, и всю репетицию работать на пределе. Он и тому же еще физически великолепен подготовлен. Стеклов всегда держит — и на репетициях, и на спектакле — уровень режиссерского рисунка. Спектакль для него — самый сладостный акт, смысл жизни. Думаю, что при той психофизической тренировки, какая есть у Стеклова, невозможно предсказать, какой ролью он еще поразит нас.

Когда идея на спектакль, который все хва- лят, то заранее настраиваешься на ожидание чуда, а увидев, нередко разочаровываешься. Вроде бы и спектакль неплохой, но обманутые надежды мешают оценить его объективно. С «Собачьим сердцем» в Театре им. К. С. Станиславского такого не произошло. На сцене — не побоюсь избитого слова — блестит Стеклов. Его Шариков потрясающе пластичен, щечичная выразительность, переходящая плавно, легко и внтузно в то самодовольного, самоуваженного мещанина. Но в такой степени правдоподобно это превращение двоякого в реалистического работника подделки очистки Москвы от бездомных животных — до какой степени! — и до такой степени легко, на одном вздохе происходит эта трансформация, что понимаешь неложность происходящего, испытываешь невольный страх от всевластия и всепроникновения таких Полиграфов Шариковы.

Из хорошего пса сделали плохого человека, — говорит Стеклов. — И показываем мы этого омерзительного ничтожного человека. А «собачьей» темы, мне кажется, все-таки не хватает. Знаете, о чем жалею? Что в спектакле не вошел булгаковский монолог пса: «У-у-у-гут-гут-гуту! О, глыбы на меня, я погибаю. Вьюга в подворотне ревет мне отходняк, и я вью с ней. Пропал я, пропал... Негодяя грязьном колпаке — повар столовой Нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства плеснув кипятком и обварив мне лыжи. Бакал гадина, а еще пролетарий. Господи боже мой — как больно! До конца проело кипятком. Я теперь вью, юю, да разве всем поможешь?». Да я, думаю, мог бы быть более изобретательным в сценах мутации Шариков.

У Владимира Стеклова нет особых вынуж-

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ПОЗНАТЬ СЕБЯ

ных внешних данных, как нет и антресорской самоуверенности. Он скромный, обаятельный человек с добрым ульбкой. Но в нем ощущается тот внутренний огонь, который и делает его актером, до каждого иллюстрируя, до каждого игралющим, мечтающим.

— Понимаете, — говорит Владимир, — человек — это не телесная оболочка, она слишком тесна. Измеряется он не от пяток до головы, а от головы и до неба. Человек необъятен. Я пришел в театр, чтобы сказать об этом. Но я хочу не только выговориться, быть услышанным, но и быть понятым. Конечно, для актера важны удача, везение. Но везение не придет само, надо искать его, как Синюю птицу. Я шел к ней на встречу, и мой дебют на сцене Театра имени К. С. Станиславского — роль Андрея Буслая в спектакле «Порог». А дебют — настоящая Синяя птица, которую, думается, я и так поймал за хвост.

...Каждый человек должен когда-то в жизни перешагнуть порог. Андрей Буслая сделал это — когда начал петь и ушел от жизни в небытие, в полуబесознательное состояние, и когда пошел в квартиру с никому не запертой дверью, в квартиру человека, вершего судьбы. Следующий раз, когда я увидел Стеклова, он был в зале театра, в котором он играл в спектакле «Собачьим сердцем».

...Человеку стало плохо, он лег на скамейку у автобусной остановки и умер, а mimicia было пять и ушел от жизни в небытие, в полуబесознательное состояние, и когда пошел в квартиру с никому не запертой дверью, в квартиру человека, вершего судьбы. Следующий раз, когда я увидел Стеклова, он был в зале театра, в котором он играл в спектакле «Собачьим сердцем».

— Стеклов — личность, явление, ни на него не похоже, — сказал постановщик спектакля В. Портнов. — В нем есть и черные пропасти, и взлеты до вершин. Он не исполнитель, а творец, но, знаете, импровизирует, он никогда не предает замысла. В каждом спектакле я вспоминаю новую публику. И так рождается в театре новая публика. С ужасом осознает он, что сам — это отрицание, что не может быть лучше. И другое — есть открытые настежь двери и душа — может быть, кому-то очень надо будет простиаться в них. Не здорово пойти в эти двери? Но я здорово пойду в эти двери.

...Человек — это блестящий магнитомагнитом, притягивающий громадные сценические массы. Стеклов знает жизнь и способен щедро открыть себя, он скроет всего сам не ведет, какими глубинами заложены в нем.

— Я люблю мечтать, — говорит актер, — и о ролях, и о жизни. Но я работаю сегодня. Помните, как говорил булгаковский Воланд, о каких планах может идти речь, если человек не знает, что с ним происходит даже в сегодняшний вечер. Сегодня я repetишу роль Эзры в пьесе «Танго». С Миронекой, которую ставят в нашем театре польский режиссер Э. Зеллер. На днях состоится премьера. Мой герой — человек от природы, он — сам по себе естество, человек без комплексов. Он мне симпатичен, потому что считаю, что в человеке должен быть некий внутренний сторож. Но играть интересно: могут пропасти параллели с Шариковым, но двигаться к нему другими путями. Это сейчас. А что ждет меня завтра?.. Мечта сыграть Иуду Искариота из рассказа Л. Андреева.

...Ему важно познать себя, свои творческие и жизненные ресурсы, измеряющиеся от головы до неба.

Т. МИНАЕВА.

Фото С. Кузнецова.

О ЧЕМ УМОЛЧАЛ ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ

Ответ Гостелерадио ССР на статью «Почему в эпоху гласности в ушел с телевидения»

В редакцию «Советской культуры» поступило письмо от имени руководства Гостелерадио ССР, в котором сообщается:

Взяться за перо нас заставили статья Э. Рязанова «Почему в эпоху гласности в ушел с телевидения», опубликованная в «Огоньке» № 14.

Может возникнуть естественный вопрос: почему ответ в газете «Советской культуры», а не в самом «Огоньке»? Мы ведь не знаем и надеялись, когда поползла эта волна, что «Огонек» начнет читать наш ответ. Трижды нас узвали, что материал будет поставлен в очередной номер. При сложившихся обстоятельствах мы решили опубликовать наш ответ в «Советской культуре».

Статья Эльдара Рязанова в «Огоньке» не отражала в эмоциональности, легком, расскованном стиле наложение. Она содержит и ряд верных наблюдений. Но есть в ней и немало такого, что вызывает чувство протеста из-за откровенных передергиваний, очень вольного толкования фактов, а также умолчаний, которые несомненно являются результатом пропаганды.

Приложим к первому из вышеперечисленных утверждений. А. Рязанов пишет о том, что «в эпоху гласности в ушел с телевидения»

и «всеобщее не давать в эфирии». Вот такой ультиматум. А между тем в уже упомянутой книге «Неподденные итоги» Рязанов сознавался:

«Каждый раз, когда мы усаживаем перед объективом телекамеры, мы не знаем, куда мы и пойдем».

Но вернемся к передаче «Вечер в Останкине». У нас вызвались сочинить «Неподденные итоги» Рязанов, будучи ведущим «Кинопанорамы», он писал в своей книге «Неподденные итоги»: «Кинопанорама — довольно сильное средство эстетического образования людей. У нее огромная многофункциональная аудитория. Поэтому создатели никогда не должны понять, что такое человек и творческая ответственность. Но в этом же книге я понял, что для них дальше куда дальше — Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Федоровым — также 1 час 30 минут, академиком Л. Кошкиным — 1 час 15 минут. Естественно, в натуре вечер каждого из них длился куда больше... Рязанов находился в эфире 1 час 42 минуты, в его авторский вечер длился около полутора часов. К примеру, встреча с академиком Д. Лихачевым длилась в эфире ровно 1 час 30 минут, членом-корреспондентом АН ССР С. Ф

